

ЯЗЫКОВЫЕ МИФОЛОГЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИКИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

LINGUISTIC MYTHOLOGEMS IN THE MIRROR OF TOPONYMY OF THE ROSTOV REGION

*M. Kravchenko
O. Kravchenko*

Summary: The purpose of the research is to study the representations and images of language formed by the ordinary metalanguage consciousness of native speakers. The material for the study was metalanguage statements (reflexives), which contain semantic evaluation and interpretation (including elements of folk etymology) of lexemes belonging to the thematic group of toponyms of the Rostov region. Among the lexemes of this thematic group, the main attention is paid to the study of oikonyms. The analysis of the manifestations of metalanguage reflection of native speakers shows that linguistic myths, classified as mythologems based on the allocation of a semantic feature, according to which the etymology of a toponym is determined, act as a kind of markers of metalanguage activity carried out by ordinary metalanguage consciousness.

Keywords: metalanguage reflection, mythologems, toponyms, oikonyms, reflexives.

Кравченко Михаил Александрович

*К.филол.н., доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения
mak@rgups.ru*

Кравченко Оксана Викторовна

*К.филол.н., доцент, Ростовский государственный экономический университет
Oksanka_2007@mail.ru*

Аннотация: Цель исследования заключается в изучении представлений и образов языка (о языке), формируемых обыденным метаязыковым сознанием носителей языка. Материалом для исследования послужили метаязыковые высказывания (рефлексивы), в которых содержатся семантическая оценка и интерпретация (включая элементы народной этимологии) лексем, относящихся к тематической группе топонимов Ростовской области. Среди лексем указанной тематической группы основное внимание уделяется изучению ойконимов. Анализ проявлений метаязыковой рефлексии носителей языка показывает, что своеобразными маркерами метаязыковой деятельности, осуществляемой обыденным метаязыковым сознанием, выступают лингвистические мифы, классифицируемые типу мифологем на основании выделения семантического признака, в соответствии с которым определяется этимология топонима.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, мифологемы, топонимы, ойконимы, рефлексивы.

Как известно, одной из основных особенностей языкового сознания является его способность к рефлексии. Причем рефлексивность сознания направлена не только на концептуализацию внешнего мира, но также на формирование «осознанных», «отрефлексированных» представлений о внутреннем мире человека. Более того, в фокус исследовательского внимания языкового сознания попадает собственно язык, благодаря чему обеспечивается реализация так называемой «автореферентной» функции языка. Тем самым язык обретает уникальное для семиотических систем свойство – способность к самоописанию и самоинтерпретации. Ту часть языкового сознания, содержание которой определяется рефлексией над языком и связанными с ним явлениями, принято называть метаязыковым сознанием (о соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» см. в [Кравченко М.А., Кравченко О.В., 2015]). Именно когнитивный потенциал метаязыковой рефлексии лежит в основе метаязыковой деятельности носителей языка.

Метаязыковая деятельность может принимать самые разнообразные формы. Так, метаязыковая деятельность призвана помогать в решении широкого спектра про-

фессиональных задач в области лингвистики, литературоведения, журналистики, рекламы, связей с общественностью, политических коммуникаций, маркетинга, юриспруденции, в сфере литературного и иных видов словесного творчества. Однако заблуждением было бы считать, что проявления метаязыковой рефлексии ограничиваются рамками профессиональной деятельности лингвистов, журналистов, рекламистов, копирайтеров и писателей. Метаязыковая деятельность может осуществляться не только на профессиональном уровне, но и на «любительском» уровне рядовыми носителями языка.

Метаязыковая деятельность рядовых носителей языка свидетельствует о наличии глубокого интереса к феномену языка на бытовом уровне. Корпус рефлексивов (метаязыковых высказываний в широком значении этого термина), являющихся продуктом метаязыковой деятельности рядовых носителей языка, выступает в качестве специального предмета лингвистических исследований. Лингвистические исследования, направленные на изучение любительских, наивных высказываний о языке или его компонентах, принято объединять в рамках теории, называемой наивной лингвистикой [Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингви-

стика, 2008], стихийной лингвистикой [Булыгина, Шмелев, 2000], обыденной лингвистикой [Шумарина, 2011, 14]. При этом наиболее устоявшимся является термин «наивная лингвистика».

Настоящее исследование выполнено в русле отечественной теории наивной лингвистики. Его цель заключается в изучении представлений и образов языка (о языке), формируемых обыденным метаязыковым сознанием носителей языка. Материалом для исследования послужили метаязыковые высказывания (рефлексивы), в которых содержатся семантическая оценка и интерпретация (включая элементы народной этимологии) лексем, относящихся к тематической группе топонимов Ростовской области. Среди лексем указанной тематической группы основное внимание уделяется изучению ойконимов.

Обращение к топонимике для решения поставленных в исследовании задач носит целенаправленный и осознанный характер. По нашему мнению, онимы, в отличие от большинства апеллятивов, сохраняют семантическое свойство мотивированности, которое сообщает им внутреннюю иконичность и позволяет реализовать в языке образное начало. Можно сказать, что онимы представляют собой своего рода «живые» слова, тогда как имена нарицательные в соответствии со знаменитым поэтическим изречением Н.С. Гумилева – «мертвые» (ср. стихотворение Н.С. Гумилева «Слово»). В этой связи естественным выглядит интерес обыденного метаязыкового сознания к образным компонентам языка.

Следует отметить, что топонимика Ростовской области неоднократно выступала в качестве объекта лингвистических исследований. Так, топонимы региона изучались в структурно-семантическом аспекте [Отин, 2012; Бессмертный, Меринова, Петров, 2021], этимологическом и лингвогеографическом аспектах [Акиндинов, 1992; Манджиева, Кичикова, 2017], когнитивном аспекте [Полубоярин, 2009]. Настоящая работа решает иные задачи. Топонимика региона исследуется с точки зрения порождения метаязыковых высказываний, в аспекте изучения метаязыковой рефлексии. Для этого нами были отобраны рефлексивы, в которых форма и (или) семантика топонимов подвергается специальной интерпретации со стороны рядовых носителей языка. Как показал анализ собранного материала, объектом рефлексии могут выступать самые разнообразные формальные и семантические характеристики знака. Для того чтобы сузить и конкретизировать поле исследования мы отдельно проанализировали рефлексивы, содержащие информацию о происхождении ойконимов. Таким образом, если объектом нашего исследования являются метаязыковые высказывания о топонимах Ростовской области, то в качестве предмета исследования выступают рефлексивы, описывающие происхождение этих топонимов.

Методика исследования носит синтетический характер в том смысле, что для анализа используются как традиционные, так и экспериментальные методы. К традиционным методам относятся методы наблюдения и описания языковых фактов. Результаты, полученные благодаря этим методам, дополняются данными семантического эксперимента. Порядок проведения последнего предполагал анкетирование респондентов на предмет выбора наиболее вероятной этимологии ойконимов, а также порождение у интервьюируемых свободных метаязыковых высказываний о происхождении ойконимов. В качестве референтной группы были выбраны студенты-бакалавры начальных курсов языковых направлений подготовки Таганрогского педагогического института имени А.П. Чехова. Указанный выбор обусловлен стремлением, с одной стороны, избежать участия в эксперименте лингвистов-профессионалов, что могло оказать существенное влияние на его «чистоту» (лингвиста-профессионала, решающего языковую задачу, нельзя отнести к числу рядовых носителей языка), с другой, - задействовать в эксперименте респондентов с достаточно развитым языковым чутьем и способностями, чтобы в последствие иметь возможность сравнить полученные результаты эксперимента с данными наблюдений над метаязыковой рефлексией рядовых пользователей языка.

С точки зрения объема и текстовой организации, рефлексивы в наивной лингвистике, изучающей проявления обыденного метаязыкового сознания, принято разделять на рефлексивы-высказывания и рефлексивы-тексты. Первые инкорпорированы в крупные тексты и выступают в качестве их составных частей (как правило, не очень больших, тематически второстепенных или вспомогательных в раскрытии основной темы). Вторые организованы как отдельные тексты, все пространство которых занимают метаязыковые комментарии. В них языковым явлениям дается метаквалификация и присваиваются метаимена. Рефлексивы-тексты, конечно, более характерны для профессиональных сфер. Так, тексты лингвистических исследований реализуются в виде текстов-рефлексивов.

В наивной лингвистике, наоборот, преобладают рефлексивы-высказывания. Рефлексивы-тексты сравнительно редки. В результате метаязыковой деятельности рядового носителя языка рефлексив-текст зачастую приобретает черты мифа. В последние несколько десятилетий лингвистические мифы стали специальным предметом исследований [Кашкин, 2002; Гудков, 2009; Шумарина, 2011, 157-193]. Научный лингвистический текст и лингвистический миф при относительной структурной близости кардинально отличаются в содержательном плане. Содержательные различия объясняются неоднородностью феномена метаязыкового сознания, которое может выступать как в научном, так и в обыденном вариантах. Лингвистическая статья создается в процессе научной

метаязыковой рефлексии, лингвистический миф – продукт обыденного метаязыкового сознания.

Наблюдения над собранным в целях выполнения настоящего исследования эмпирическим материалом позволили установить любопытную закономерность: метаязыковые высказывания о топонимах зачастую принимают форму рефлексивов-текстов. Наблюдается отчетливая тенденция к расширению метаязыковых комментариев об этимологии ойконимов до объемов лингвистического мифа. При этом лингвистический миф существует в форме легенды (легенд) о происхождении топонима. Как правило, содержание легенды не имеет веских лингвистических и исторических оснований, а иногда полностью противоречит реальной этимологии слова, что не мешает её устойчивому бытованию в народной среде. Наличие большого количества легенд, объясняющих происхождение топонимов, по нашему мнению, свидетельствует о том, что мотивированность и языковая образность изучаемого класса слов способствует раскрытию потенциала мифопоэтического творчества носителей языка. Названный потенциал реализуется через деятельность обыденного метаязыкового сознания.

Выявленные лингвистические мифы целесообразно классифицировать в зависимости от мифологем, которые положены в их основание. Под мифологемой мы понимаем семантический признак, детерминирующий этимологию топонима, эксплицитно выраженный в рефлексиве-тексте.

Анализ собранного языкового материала показал, что наиболее распространенной является антропонимическая мифологема. Суть данной мифологемы заключается в отнесении ойконима к имени (фамилии, прозвищу) человеческой личности. Тем самым имя населенного пункта позиционируется как производное от имени «героя», в той или иной степени связанного с этим населенным пунктом. Мифологема развивается в более или менее разработанную легенду, которая во многих случаях далека от реального происхождения топонима. Существование антропонимической мифологемы мы проиллюстрируем наиболее типичными и известными в донской топонимике мифами. Общим местом этих мифов является попытка на базе некоторого звукового сходства соотнести ойконим с именем легендарной или исторической личности. При этом факт заведомо ложной этимологии не становится препятствием для формирования и распространения легенды.

1. *Семикаракорск*. В соответствии с местной легендой город обязан своим именем роду Каракоровых. Легенда гласит (некоторые её варианты представлены даже в стихотворной форме) о семи братьях Каракоровых, которые в допетровские времена обосновались на Дону,

спасаясь от преследований в отношении старообрядцев. Наряду с мифом о Каракоровых бытует менее популярная легенда о донском атамане Семене Каракоре – основателе города. В обоих случаях антропонимическая мифологема вырастает из наивного толкования звукового облика ойконима. В действительности современный звуковой облик ойконима *Семикаракорск* представляет собой результат трансформации слов тюркского происхождения под влиянием фонетической системы русского языка. Тюркская этимология топонима считается доказанной. Некоторые споры ведутся только вокруг её тюркоязычных вариантов. В настоящий момент наиболее вероятной считается версия происхождения ойконима от слов «kara» – «черный» и «qale» – «крепость». Данная версия подтверждается археологическими данными: вблизи Семикаракорска археологи обнаружили остатки одной из крупнейших хазарских крепостей.

2. *Егорлыкская*. Местная легенда связывает ойконим с именем Егора Лыкова. Сведения об основателе населенного пункта ограничиваются исключительно пространством мифа. При этом, этимология топонима достаточно прозрачна (что, однако, не помешало рождению и распространению мифа). Ойконим, бесспорно, восходит к гидрониму *Егорлык*. Имя реки документально зафиксировано уже в глубокой древности. С высокой долей вероятности оно образовано от тюркского корня «agri» – «кривой» (по-видимому, мотивировано признаком извилистости русла реки).

3. *Батайск*. В соответствии с легендой, перекочевавшей в краеведческие очерки, ойконим *Батайск* происходит от имени знаменитого монгольского хана Батыя (Бату). Легенда утверждает, что в далеком XIII веке в районе современного города располагалась ставка хана Батыя, а топоним образовался в результате соединения имени полководца с тюркским словом «su» – «вода, ручей». Таким образом, согласно мифу, *Батайск* переводится как «ручей Батыя». Следует отметить, что особую устойчивость антропонимической мифологеме придает возможность связи топонима не просто с некой легендарной личностью, а с личностью исторической. В этом случае миф претендует на прохождение исторической верификации. Однако апеллирование мифа к историческим реалиям не делает его объективным. Легенда о топониме *Батайск* не подтверждается ни лингвистическими, ни историческими данными. Название города имеет гидронимическое происхождение (ср. гидроним *Мокрый Батай*). Происхождение гидронима, в свою очередь, объясняется исходя из тюркской этимологии. Специалисты в области этимологии предлагают несколько вариантов интерпретации, но ни один из них не связан с именем монгольского хана.

4. *Самбек*. Вокруг ойконима *Самбек* сформировался целый ряд легенд о Петре I и эпохе завоевания бере-

гов Азовского моря. Фонетическая форма топонима не давала оснований для создания антропонимической мифологемы. Однако образ первого российского императора настолько мифологизирован в окрестностях города Таганрога (село Самбек расположено в нескольких километрах от Таганрога), что обыденное метаязыковое сознание смогло его связать с указанным топонимом. По легенде, своим существованием топоним обязан словам Петра I. Здесь легенда распадается на две основные версии. По одной из них император обозначил место современного села как «там, где он сам бёг» (т.е. отступал от наступающих турецких войск). В соответствии с этой версией *Самбек* трансформировался из «сам бёг». По другой версии, апеллирующей ко второму слогу онима «бек» (тюркский корень «bek» обозначает «господин», «правитель»), император, находясь в этих местах, сказал по какому-то поводу: «Я сам бек», имея в виду «Я сам господин». Таким образом, легенда утверждает, что имя Самбеку дало высказывание Петра I. Языковая мифологема *Самбека* представляет собой своеобразную мифологему-перформатив. Реальная этимология топонима *Самбек* связана с тюркизмами со значением «овраг», «низина». Этот вариант этимологии подтверждается характером рельефа местности поселка, а также тем фактом, что на Юге страны существует несколько населенных пунктов с именем Самбек.

Топонимика Ростовской области может представить большое количество других примеров реализации антропонимической мифологемы. Подобная «продуктивность» этой мифологической модели определяется, по нашему мнению, двумя основными факторами.

Во-первых, антропонимический принцип номинации населенных пунктов является одним из самых распространенных. В этом смысле топонимика Ростовской области не относится к исключениям. Иллюстрацией этому является далеко не исчерпывающий список ойконимов Ростовской области, имеющих антропонимическую основу: *Константиновск* (в честь Великого князя Константина Николаевича – сына императора Николая I); *Милютинская* (в честь Д.А. Милютина – министра Правительства императора Александра II); *Шолоховский* (в честь писателя М.А. Шолохова); *Гуково* (по фамилии основателя – казачьего сотника Гукова); *Зверево* (по фамилии основателей – помещиков братьев Зверевых); *Красный Сулин* (по фамилии основателя – полковника Андрея Сулина); *Миллерово* (по фамилии основателя – казачьего старшины, немца по происхождению, Ивана Миллера). Под влиянием многочисленных примеров ойконимов с относительно прозрачной этимологией метаязыковое сознание рядовых носителей языка переносит по закону аналогии антропонимический принцип на другие топонимы, развывая мифологему на фоне ложной этимологии.

Во-вторых, «продуктивность» антропонимической

мифологемы опирается на механизм коллективного бессознательного. Миф о создателях городов является одним из базовых архетипов человеческой культуры (ср. знаменитые мифы об основании Рима, Афин, Киева). В поисках ответа на вопрос о происхождении топонима обыденное метаязыковое сознание может интуитивно обращаться к антропонимической модели.

Антропонимическая мифологема является наиболее «продуктивной», но не единственной мифопоэтической моделью восприятия топонимов наивными лингвистами. Наблюдения над корпусом собранных примеров, а также данные проведенного семантического эксперимента убедительно продемонстрировали, что в ряде случаев обыденное метаязыковое сознание создает мифологемы, построенные на других семантических признаках. При этом особенно интересным выглядит тот факт, что в ходе мифотворчества может оспариваться реальное антропонимическое происхождение топонимов. Отказ обыденного метаязыкового сознания от антропоцентрического восприятия этимологии топонимов может быть продиктован, с одной стороны, низким прецедентным потенциалом личности, от имени которой образован ойконим, с другой стороны, высокой образностью и экспрессивностью иных семантических ассоциаций, возникающих в процессе восприятия формы топонима.

К числу альтернатив антропонимической мифологемы в мифопоэтическом творчестве наивных лингвистов следует отнести мифологему природного пространства. Последняя формируется на базе широкого спектра семантических признаков, отражающих особенности географического положения, рельефа местности, природно-климатических условий, характерных для населенного пункта. Таким образом, в основу номинации топонима кладутся признаки, относящиеся к характеристике природного пространства. Как правило, это происходит за счет семантических ассоциаций, возникающих при восприятии формы топонима.

Типичным примером реализации мифологемы природного пространства являются наивные представления о происхождении ойконима *Синявское*. Лингвистический миф считает ойконим производным от прилагательного *синий* (при этом явные нарушения правил словообразования во внимание не принимаются). Обыденное метаязыковое сознание видит в данной номинации отражение признака цвета, якобы, характерного для природного пространства населенного пункта. Внутренняя форма топонима объясняется следующим образом: село Синявское, расположенное в дельте реки Дон вблизи Азовского моря, окружено пейзажами, в которых доминирует синий цвет. Стойкость указанной мифологемы в метаязыковом сознании объясняется не только её внутренней образностью, но также влиянием традиций номинации топонимов: в русском языке сотни

ойконимов происходят от прилагательных, обозначающих цветовые характеристики. Тем самым мифологема формируется в том числе под действием закона языковой аналогии. Обыденное метаязыковое сознание принялось развивать семантическую ассоциацию природного пространства, а реальное антропонимическое происхождение топонима было вытеснено за пределы лингвистического мифа (топоним *Синявское* образован от фамилии основателя населенного пункта - русского адмирала Алексея Наумовича Сенявина (Синявина), командовавшего Азовской флотилией в годы одной из русско-турецких войн).

Примером реализации мифологемы природного пространства может служить народная этимология топонима *Морозовск*. Реальное происхождение номинации имеет антропонимическую природу и, по всей вероятности, связано с фамилией первопоселенца. Однако под влиянием внутренней формы топонима и данных об особенностях природно-климатических условий (город Морозовск расположен на севере Ростовской области и в зимний период является одним из самых «холодных» районов области) в народном сознании ойконим воспринимается как «город морозов». Пример с развитием лингвистического мифа вокруг топонима *Морозовск* свидетельствует также о том, что активной метаязыковой рефлексии на предмет осмысления происхождения подвергаются не только топонимы, имеющие многовековую историю, и этимология которых скрыта исторической завесой, но также слова, появившиеся в языке относительно недавно (ойконим *Морозовск* образован в XX веке).

К числу устоявшихся мифологем следует также отнести мифологему культурного пространства. Подобно мифологеме природного пространства, в своем развитии она опирается на семантические признаки, эксплицирующие характеристики топоса. Но эти признаки имеют не природное, а культурное происхождение, т.е. созданы

в результате деятельности человека. Интересный пример реализации мифологемы культурного пространства представляет собой легенда о происхождении топонима *Богудония*. Богудонией называется один из исторических районов города Таганрога. Лингвистический миф, отталкиваясь от внутренней формы топонима, видит в нем производное от словосочетания «Богом данный». Кроме фонетического сходства, легенда питается тем фактом, что район является религиозным центром города, в котором расположен соборный храм. К тому же, уже согласно собственно исторической легенде, храм расположен на месте, на котором стояла палатка Петра I во время основания города. Следующее звено в цепочке ассоциаций приводит к восприятию места как Богом избранного, Богом данного.

Реальное происхождение топонима оказывается гораздо более прозаичным. Оно имеет антропонимические корни и воспроизводит в несколько измененном виде непривычную русскому уху и языковому сознанию фамилию Боудон (отставной поручик Александр Боудон был одним из организаторов рыболовецкой артели, которая располагалась в этом районе города).

В заключении отразим основные выводы проведенного исследования. Нами было установлено, что изучение топонимики позволяет выявить проявления метаязыковой рефлексии носителей языка. Своеобразными маркерами метаязыковой деятельности, осуществляемой обыденным метаязыковым сознанием, выступают лингвистические мифы о происхождении топонимов. Механизм лингвистического мифотворчества опирается на феномен народной этимологии. Лингвистические мифы классифицируются по типу мифологем. Основанием для классификации становится семантический признак, в соответствии с которым определяется этимология топонима. Наиболее распространенными являются антропонимическая мифологема и мифологемы природного и культурного пространств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиндинов Е.Б. Тюркская топонимия Ростовской области: автореферат дисс. кандидата филол. наук / Казанский гос. университет. – Казань, 1992. – 19 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // Русский язык сегодня. Вып. 1. – М.: «Азбуковник», 2000. – С. 9-18.
3. Бессмертный И.В., Меринова Ю.Ю., Петров В.В. К вопросу о классификации гидронимов Ростовской области // Успехи современного естествознания. – 2021. – № 2. – С. 82-87.
4. Гудков Д.Б. Лингвистический миф в национальной мифологии // Вестник ЦМО МГУ, 2009, №1. – С. 79-85.
5. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 4-34.
6. Кравченко М.А., Кравченко О.В. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. №9 (51): в 2-х частях. Ч.1. – С. 105-108.
7. Манджиева Э.Б., Кичикова Н.А. Гидронимы калмыцкого происхождения на территории Юга России // Известия ВГПУ. Филологические науки, 2017. С. 86-90.
8. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул, 2008. – 480 с.
9. Отин Е.С. Гидрономия Дона: монография: в 2-х томах. Т.2: Нижний Дон. – Донецк: Юго-Восток, 2012. – 791 с.

10. Полубоярин С.В. Психолингвистический эксперимент как метод изучения концептуального содержания онимов (на примере концепта Дон) // Вопросы психолингвистики, 2009, №9. - С. 183-187.
11. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 328 с.

© Кравченко Михаил Александрович (mak@rgups.ru), Кравченко Оксана Викторовна (Oksanka_2007@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

